

Метроном сердца, вырастая, заполнял зал. Не отводя взгляда, он медленно потянулся и холодеющими губами коснулся ее — лепестками раздвинутых губ...

ГИПС!

Механическая, "с точной передачей формы и цвета"...

Как грубо... Как глупо! Жаркий стыд хлынул в глаза и, сцепив челюсти, он смахнул даже не ощутившей боли рукой прекрасную, пустую голову...

Пол, глухо треснув, расцвел белыми брызгами. Дрожь неутихшей ненависти рефлексом прошла по ноге: ударил с силой по исковерканному (торчали концы толстой проволоки) лицу — и выбежал из зала...

Дверь выводила прямо в фойе, слева от лестницы.

Он пронесся мимо кассы (окошко было уже закрыто) и вырвался на тротуар. Тягучая (где-то прозвенел трамвай) темнота покалывала глаза редкими блестящими фонарей и окон. Вкладывались один в другой переулочки, испуганно оседали на поворотах углы домов.

Понемногу кровь замедлила гонку.

И, остановившись перед выявившимся из мрака забором, он увидел, что снова попал в тупичок над обрывом.

Ноги не держали его. Кое-как: один... два... три шага — дотащился до скамьи. Вытянулся. Закурил.

Лениво, как дым, потянулись обрывки мыслей. Про китайцев совсем забыл... Все равно скоро закрыли бы...

Ничего не повторяется... Мы не возвращаемся... никогда.

Вернулся же вот сюда!

Конечно: она не виновата... Так вот и станешь шизофреником!

И какой еще алтарь — там же горельеф...

Распустил слони... идиот. И нога болит...

Он раздавил подошвой окурочек, встал и, скрипя по песку, быстро пошел из сквера.

Коктебель

Вчерашний камень

Как-то я гулял в парке. Была ранняя осень, середина дня и позднее прозрение. Полдня я провозился в мастерской с поломанным мотором. Ржавый болт не хотел завинчиваться, хоть ты лопни, несмотря на масло, керосин и разводной ключ. В итоге я психанул, болт забил и пошел проветриться. Подсел на скамейку к какому-то чудачу, который своим видом напоминал индуса. (Так оно и оказалось.) Он вежливо спросил:

— А прохладно сегодня, не правда ли?

— Угу, — автоматически ответил я. — Пляж накрылся, это уж точно.

Он предложил сигарету, мы закурили и как-то незаметно разговорились.

— Еще вчера, наверное, — продолжал он с легким акцентом, — многие проклинали жару и молили о том, чтобы скорей похолодало...

— Да уж, лето выдалось дурацкое: жара, холера, пляж закрыт. Погода — как ложка после обеда. Все не вовремя.

— И это не только погода.

— Конечно. Если не спешишь, трамвай не ломается. Закон подлости.

— А вы не думали, что кроме этого так называемого закона может существовать, скажем, закон Благодородства?

(Я давно заметил, что в целом я всегда облагораживающе влияю на людей: имея дело со мной, они рано или поздно затрагивают темы благодородства, трезвости, честности, самоуважения, воспитанности и т. д., чего с ними обычно не случается, если они предоставлены только самим себе.)

— Допустим, — продолжал он, — одни силы потворствуют вашим темным необузданным страстям, играют на вашей злобе, алчности, эгоизме, искушают вас и порабощают. Другие, напротив, стремятся освободить вас и направить к Свету.

— Простите, а вы часом не йог? — поинтересовался я.

— Нет, ну что вы. Я же курю. Далеко не каждый индеец — йог. Я тут сугубо из-за бизнеса. Но когда-то я закончил у вас институт.

— То-то я смотрю, у вас с русским — все о'кэй.

(Не дай Бог, он сейчас начнет свое — о сад хане, пуруше, карме и прочей дряни — я ж не выдержу!)

— Язык — дело практики. Так вот, о Законах Благодородства: мы их проявления часто просто склонны не замечать.

— То есть?

— Дело в том, что мы все время чего-то хотим. Что-то регулярно,

как есть и спать, что-то периодически, а что-то остро и страстно, прямо сейчас.

— Ага, я догадываюсь, что дальше: отказ от желаний, расслабуха, нирвана, мысли о вечном — и ты уже почти Будда. Так?

— Ну, это несколько огрублено, но в общих чертах — верно. Неужели у вас не было, что кажется, будто кто-то говорит вам: остановись! Все это — химеры! К сожалению, это бывает задним числом. Но вот вам не достался последний билет на самолет, вы теряете телефон делового партнера, наконец, ваша возлюбленная предает вас...

— Все это очень огорчительно.

— Но это до тех пор, пока вы живете не верой, а надеждой. Вы питаете иллюзии. Потом оказывается, что тот самый самолет разбился, партнер оказался аферистом, а предмет страсти — вздорной эгоисткой...

— Так ведь заранее неизвестно!

— Как знать. Чем сила темней, тем сильнее желание, искушение, больше надежд.

— А без надежды-то куда?

— Это без веры. Надежда — что-то очень личное. С верой — ждут, а с надеждой — маются. Но лучше ждать спокойно.

— Выходит, как ни крути, все — к лучшему?

— Нет. Бывает же так: у вас появилась возможность с кем-то сквитаться, а вы уже забыли про обиду. Только вышли из головы одолженные кому-то деньги, а должника уже заела совесть и он спешит вернуть. Вам уже вроде бы и не надо, а оно появляется — само. Это своего рода искушение.

— Конечно, — я усмехнулся, — как только я соберусь в монахи — все "мисс", от мала до велика, станут вешаться мне на шею? Чушь это все.

— Вы зря смеетесь, — в ответ улыбнулся индус, — У меня есть с собой талисман, с помощью которого один великий бодисатва наставлял своих учеников, — он вынул из кармана обыкновенный камешек с дырочкой посередине, из тех, что мы в детстве называли "куриный бог".

— Это и есть знаменитый "Вчерашний камень". Он исполняет забытые желания своего владельца, начиная с того дня, как попадает к нему в руки. Точнее говоря, все желания, которые вы осознанно носили в себе с момента получения камня...

— Не понял? Они что, сбываются? Да сказки это все!

— Штука в том, что желание может исполниться только по забыванию, но не раньше. Как правило, каждому из учеников Шри Ишвармукти достаточно было недели обладания камнем, чтобы окончательно увериться

в тщете и суетности всех наших желаний. Камень передавался из рук в руки. Если хотите — он теперь ваш.

Индус пару раз подбросил камешек на ладони, которая была розовой и светлой, в отличие от тыльной стороны кисти:

— Ну, так как? Берете?

Я пытался уловить в его глазах насмешку. А может, он просто псих? Даром, что индус? Однако лицо его, хоть и улыбалось, но сдержанно и тихо. В конце концов, даже если он псих, его лучше не раздражать.

Придя домой, я решил действовать логично и последовательно: я сильно захотел себе дачу у моря, яхту, и чтоб эта дура, наконец, поняла, какой я хороший и незаменимый человек, и приползла ко мне с раскаянием... Я страстно захотел создать что-то такое, этакое, гениальное творение. Хотя, конечно, ни на секунду не поверил в камень. Потом, будучи человеком обстоятельным, я купил две бутылки водки и напился в зюзю, в драбодан, наедине, чтобы завтра все напрочь позабыть.

Первое, что меня огорчило утром, когда я проснулся — это головная боль, сухость во рту и то, что уже пять часов вечера, то есть, на работу я проспал. Когда с мутным взором я вышел за пивом, оказалось, что в ларьке, куда я ночью безуспешно ломился, произошло короткое замыкание и он сгорел синим пламенем. Возвращаясь к дому, встретил толпу дворовых кумушек и узнал, что нашу соседку по этажу вчера ночью изнасиловали трое хулиганов, когда она вышла прогулять собачку. Причем, под большим секретом мне поведали, что все трое надругались над бедной женщиной самым противоестественным образом. Она до сих пор лежит в шоке.

— Это какой-то ужас! Хоть вообще на улицу не выходи! — причитала баба Софа. — Да, это ж надо! Правда, Маринка (пострадавшая) и сама стервова порядочная, любит нарываться, но чтобы вот так...

Даже я, кажется, с ней ругался вчера из-за моего магнитофона в час ночи... Смутно помню... Только фрагменты... Отперев дверь, я заглянул в холодильник и обнаружил там третью бутылку, непечатую. Интересно, когда это я ее успел купить и на какие шиши? Что-то тут не так... Я решил раскинуть мозгами. Пиво уже кончилось. Пришлось отгрызть бескозырку казенки. Налил себе полстакана (закуски — ноль) и, прихлебывая, дымя папироской, стал думать. На душе с каждым глотком теплело. На работу все равно не идти, навру чего-нибудь. Казенка, что называется, из опилок, скулы сводит, особенно если натошак. Но, конечно, не такая мерзость, как

"Бифитер" с тоником. Водка себе, нормальная. С "птичкой", и хоть откровенная гадость, так зато и без претензий. Откровенность меня всегда и во всем подкупала. О чем, бишь, я?

Ах, да! Камень! С камнем что-то не то. Индус явно давал понять, что толку от него никакого. Ничего из того, что я загадывал, не произошло. Раскатал губу: яхты, дачи!.. Стоп! Естественно: я же помню все эти желания. Поэтому и не сбываются. Ну их, к чертям. А может быть, ну его все, к черту? Тупые рыла обоего пола, все эти ахи и охи, очи-ночи, розы-слезы. Чик по венкам — и гуд бай. "Уснуть и видеть сны". А эта красавица, небось, прискачет. Поплачет: вот какие мы нежные! Какое у нас доброе сердце! Видали уже. Но и не каменная же она, если на то пошло! Ну, допустим, не обязательно вешаться. Может быть ненавязчивый несчастный случай. Самосвал, например. Нет. Самосвал — это не эстетично. Лучше иномарка. И за рулем (что символично) — молодая блонда. А в морге общепитом пахнет. Ей сообщают, и она приходит на мое опознание. Она начинает давиться слезами и причитать, а я лежу, холодненький, и мне все по колено. Да, пусть! И главное: мне не себя, а ее, мерзавку, жалко! Тут я заметил, что рыдаю сам, папироска размокла, в стакан капает. Вот черт! Мужик, называется! Кстати, где-то это уже было... Ну, конечно! Том Сойер и тетя Полли! Я смеюсь сквозь туман, так что в носу начинает булькать. Допиваю стакан (ой, только бы не стошнило!) и вдруг до меня со всем ужасом доходит: — Опаньки! Я же только что себе подписал приговор! Кто ларьку приказал гореть синим пламенем? А Маринку кто вчера спяну посылал? А кто догоняться хотел, когда вторую уже прикончил? Я. Сказал и забыл. А оно — бац, и исполнилось! Значит, теперь, когда я захотел умереть, стоит мне об этом забыть — тут мне и крышка. Значит, мне теперь до конца дней, до могилы, каждый день надо ХОТЕТЬ сдохнуть. Или мне сделать себе перстень, как у царя Соломона, только с надписью: "Хочу сдохнуть", чтобы каждое утро смотреть? Или мне спать в гробу, как Кентервильское привидение? Шутки — шутками, а как-то неприятно, даже не то слово. Какой же капкан пристроил этот сраный бодисатва своим недорослям! Нет, сегодня я напиваться не буду, это чревато. Надо еще придумать, как теперь выкручиваться.

Я вышел на улицу. Вечерело. Одолевали мрачные мысли. Надо как-то исхитриться. Может, пожелать себе бессмертия? Нет, я еще не конченный идиот. Пожелать сдохнуть ровно в 80 лет? Так я этой даты все равно не забуду, и не исполнится, только зря промучаюсь в ожидании. Как ни крути,

все равно конец один, все равно в проигрыше. Ну и камень! С другой стороны — может ли такое быть? Обычная посталкогольная депрессия, ряд дурацких совпадений — вот я и раскис. Может, не все так плохо. Могильный мрак стал понемногу редеть. На улицу опускались сумерки. Летне-осенне-уютные. В конце концов, ничто мне не мешает избавиться от камня: потерять, продать, подарить кому-нибудь. Короче, отказаться от прав собственности. Правда, потерять его, видимо, не так-то просто. А если я дам его кому-то, не объяснив новому владельцу всех последствий сделки, отдам как обычный камень, то совершу тем самым подлог. Это наверняка предусмотрено. А с другой стороны, мало ли на свете жадных до халявы идиотов? Вон там, напротив, стоит ханурик у магазина и просит каждого "братка", чтоб ему "добавили на пузырь". Так пусть у него теперь голова болит! Окрыленный, направляюсь через дорогу. Мысли мои перебивает визг тормозов: последнее, что я успел заметить, это перекошенное лицо какой-то блонды за рулем BMW.

Я был непонятно где: ощущение, будто тебя размазали по потолку и видишь всю комнату сразу. Но вот куда я попал — сомнений не было. Кафельный пол, слегка мытый. Стены, цвета семейного счастья. Через распахнутые двери видно, что делается в соседней комнате: на полках по всему периметру, свешиваясь и сползая на пол, навалены трупы. В стороны торчат скрюченные пальцы. Сортирное освещение усугубляет живописный беспорядок. Все тела голые, у многих вспороты животы от лобка до груди и наскоро зашиты грубыми стежками, сантиметра по четыре. Вон дядя, весь в оранжево-коричневых пятнах, раздутый, как окорок. Вон — мужчина нормального цвета, только голова у него сине-фиолетово-черная. Этот вешался. Вот два худых хлыща, все в наколках и со множеством дырок. Подрались они между собой, или это просто совпадение? Вот девушка молодая. Глаза у нее не вполне прикрыты. Грудь, как у Венеры Милосской, и соски такого же цвета — мраморного. С чего это она тут? Драма любви? А может, она умерла от счастья? Если бы я был некрофилом, выбрал бы ее. Вот каталка металлическая. Зеленая краска местами облупилась. На скругленном поддоне лежит... Мама дорогая, так это ж я! Звездочек подкрался незаметно. Лицо такое умное и значительное, каким никогда не было при жизни. На боку, ниже ребер, огромный кровоподтек, потемневшие уже ссадины, малиновые следы от протектора. Еще ниже жалкой тряпочкой свернулось некогда грозное оружие. Неужели это могло доводить до экстаза? В соседней комнате санитары забивают козла. Он только трясется и моргает большими глазами: "Кела! Пеца! Я же обещал, с по-

лучки отдам!". Проходят долгие часы. Когда-никогда пролетит одинокая муха. Вот уже составили протокол моего опознания. Подписала его баба Софа: "Все она, проклятая, а мог бы еще жить и жить...". Со слезами раскаяния никто ко мне, естественно, не пришел.

— Так берете или нет? — повторил индус, выводя меня из оцепенения. Камешек был по-прежнему в его руке. — Или я могу еще предложить вам "Завтрашний камень".

— Нет уж, спасибо, — говорю, — я и сам могу найти свой талисман. Забытые желания, не возникшие желания — бери не хочу. Дерьма не жалко. Почему-то никто не предложит "сегодняшний камень". Да потому что его просто нет. А "завтрашний" — это пожалуйста, — сказал я, поднимая с земли первый попавшийся камешек и засовывая его в карман. — Теперь он у меня. Всего наилучшего.

— И вам того же, — ответил индус, загадочно улыбаясь и не сводя глаз с моей руки в кармане. — А вот сегодняшний камень — это, в определенном смысле, вы сами.

Через двадцать минут я уже подходил к своему дому. Встретил на углу Марину, прогуливающую собачку, поздоровался с ними.

Неподалеку догорал синим пламенем табачный ларек.

Глава I

Когда он попросил родителей купить велосипед, они в принципе не возражали. Просто мать с укором и болью посмотрела на отца, а он виновато опустил голову; непонятно почему — они с отцом ни разу на эту тему не разговаривали. Матери Мишка заикнулся год назад, она тогда твердо сказала — мал еще, вот будет четырнадцать... Что ж, он подождал год и месяц, для верности. Через месяц день рождения.

Нет, велосипеды не были запрещены, просто родители боялись, что он станет веллером, одним из этих отвратительных бандитов, которые собираются в банды, гоняют по дорогам, бьют витрины магазинов, нападают на старушек и, в конце концов, погибают под колесами автомобилей. Обо всем этом отец в присутствии матери подробно рассказал ему накануне. Мишка и так все это знал, он все-таки в школу ходит. Да и не собирается он по дорогам гонять. Просто с ребятами во дворе поездить, и чтобы к бабушке быстрее было добираться.

В субботу родители собрались и пошли в магазин. Хотели и его взять, но Мишка отказался — подарок есть подарок. Что это за сюрприз, когда сам себе выбираешь? Тем более, что он сам не знает, что ему нужно.

Когда его привезли на следующий день, обернутого бумагой, пахнущего краской, маслом и еще чем-то незнакомым, Мишка даже не решился подойти. Отец сам срывал бумагу, выдергивал гвозди, рассоединял доски. И только тогда, когда в коридоре ярко-красный красавец гордо стал на накачанное колесо посреди груды хлама, Мишка приблизился и нерешительно дотронулся резиновых нашлепок на руле.

Отец объяснил, что они специально взяли "неспортивную модель", чтобы он не путался со скоростями, "Да и ломаются они чаще", со средней величины колесами: "Проиграешь в скорости, выиграешь в проходимости". Потом он показал на небольшой, вроде кошелек, "бордочек" под рамой, где был минимум инструментов и деревянный ящик с полным инструментальным набором.

На следующий день Мишка встал рано. Солнце только-только взошло. Тихонько оделся, медленно открыл дверь, все-таки скрипнула, и выкатил велосипед на площадку. В лифт, конечно, не войдет, придется та-